
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 303.01

DOI: 10.31249/hoc/2022.03.01

*Костина А.В.**

МАССОВАЯ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРЫ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ[©]

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения понятий массовой и элитарной культур; целью исследования выступает обоснование продуктивности применения при этом функционального подхода; результат работы – представление определений данных типов культуры, итог – доказательство продуктивности данной методологии, опирающейся не на анализ отдельных феноменов, но их групп, что обуславливает необходимость выделения типов культуры, вбирающих в значительной степени признаки всех входящих в эту группу феноменов.

Ключевые слова: массовая культура; элитарная культура; традиционная культура; специализированная культура; функциональный подход.

Поступила: 08.04.2022

Принята к печати: 25.04.2022

** Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной, воспитательной и международной деятельности Московского гуманитарного университета. Москва, Россия, e-mail: Anna_Kostina@inbox.ru*

Kostina Anna Vladimirovna – DSn in Philosophy, DSn in Culturology, Professor, Vice-Rector for Scientific, Educational and International Activities of the Moscow Humanitarian University. Moscow, Russia, e-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

© Костина А.В., 2022

Kostina A.V.

Mass and Elite Cultures as functional systems: on the problem of defining concepts

Abstract. The article is devoted to the problem of defining the concepts of mass and elite culture; the purpose of the study is to substantiate the productivity of using a functional approach; the result of the work is the presentation of definitions of these types of culture, the result is the proof of the productivity of this methodology, based not on the analysis of individual phenomena, but their groups, which necessitates the identification of types of culture, largely absorbing the signs all those included in this group of phenomena.

Keywords: mass culture; elite culture; traditional culture; specialized culture; functional approach.

Received: 08.04.2022

Accepted: 25.04.2022

Введение

Прежде чем обратиться к определению понятий «массовая культура» и «элитарная культура», необходимо сделать несколько вводных замечаний.

Первое. Культура как система, направленная на согласование человека с миром вокруг него – как природным, так и социальным, – чрезвычайно разнообразна. Она включает в себя явления и феномены, предметы и вещи, рожденные человеком, – как силой его духа, так и вполне обыденные и незаметные в рамках повседневности. Более того, по мере расширения сферы влияния человека уменьшается сфера природы, а многие ее феномены выступают уже в качестве «окультуренной» природы – причем это не только одомашненные животные (сегодня 90% крупных животных на земле – это прирученные животные) и культивируемые растения, но и заповедники, где дикая природа выступает как предмет охраны общества, а значит, находится под влиянием культуры. Сфера природы при этом все время сжимается, а ее дефицит становится основанием для культуротворческой деятельности, направленной на создание квазиприродной среды, становящейся заменителем подлинной природы – в виде искусственных водое-

мов, лесных массивов, оберегаемых диких животных, защищаемых от болезней растений. Кроме того, в истории развития человека и общества сложилось столь много самых разнообразных форм человеческой деятельности (в виде средств обеспечения жизни посредством производственной, экономической, религиозной, политической, идеологической, художественной деятельности, каждая из которых имеет свою историческую природу и социокультурную обусловленность, а потому отличается существенной спецификой, и все эти формы требуют своего отдельного исследовательского внимания), что это порождает целые отрасли наук, обеспечивающих описание и аналитику данных феноменов. В этой системе виды человеческой деятельности – и, соответственно, формы культуры – чрезвычайно разнообразны.

Очевидно, что для осмысления, а тем более для сопоставления подобных феноменов во всей их представленности необходимо отказаться от описания каждого из них в отдельности (это становится предметом наук более узких по своей «специализации») и обратиться к процедурам формирования групп этих явлений, внутри которых они будут обладать большим или меньшим сходством.

В данном случае речь идет о таких типах культуры, как массовая и элитарная.

Второе. Сопоставление этих типов культуры не будет обладать достоверностью до тех пор, пока мы не определим не только пространство массовой и элитарной культур, но и то пространство, которое остается вне их сферы влияния. Если массовая и элитарная культуры соотносятся еще с несколькими десятками типов культуры, мы понимаем широту их сферы влияния точно так же, как если иных типов культуры остается несколько единиц. Так, постановка проблемы диалога массового и элитарного делает правомерным вопрос относительно того, происходит ли диалог с другими типами культуры, а если да, почему выбраны только эти два. Поэтому здесь необходимо выявить, какие типы культуры соотносятся с массовой и элитарной культурами как рядоположенные.

Третье. Необходимо выделить *единое основание* для всех типов культуры. Иначе – такая типология будет напоминать классификацию животных в «некоей китайской энциклопедии», представленную Хорхе Луисом Борхесом в эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса» [Борхес, 1994]. К слову, и сам язык Уилкинса может стать здесь пре-

красным образцом подобных классификаций – его восьмая из сорока категорий, составляющих основу языка, включает разделение камней на «обыкновенные (кремнь, гравий, графит), среднедрагоценные (мрамор, амбра, коралл), драгоценные (жемчуг, опал), прозрачные (аметист, сапфир) и нерастворяющиеся (каменный уголь, голубая глина и мышьяк)» [Борхес, 1994]. Столь же показательна девятая категория, разделяющая металлы на «несовершенные (киноварь, ртуть), искусственные (бронза, латунь), отделяющиеся (опилки, ржавчина) и естественные (золото, олово, медь)» [там же]. Это аналитическое наблюдение Хорхе Луиса Борхеса стало для Мишеля Фуко отправной точной в его «археологии знания».

Если не выявить единого основания классификации, культура распадется на такие типы, соотносящиеся с массовой и элитарной, как этническая, национальная, обыденная, специализированная, традиционная, народная, высокая, популярная, возвышенная, посредственная, низменная, крестьянская, городская, специализированная, культура «третьего пласта», и даже «первая», «вторая», «третья» [цит. по: Костина, 2006, с. 99]. Конечно, было бы неверным этот ряд рассматривать как единый – все эти типы, виды, формы культуры образуют определенное единство внутри авторских классификаций, позволяя решать поставленные в работе задачи. Так, В.Д. Конен, вводя понятие «третьего пласта», подчеркивает промежуточное положение многих феноменов искусства, которые, в частности, уже вышли из народной традиции, но еще не стали профессиональной сферой. И тем не менее подобных классификаций чрезвычайно много, что затрудняет не только дискуссию о диалоге или взаимодействии массового и элитарного, но и саму верификацию данных явлений. Поэтому необходимо выявление единого основания для определения массового и элитарного.

Четвертое. Маркированные и получившие соответствующие определения феномены культуры в процедурах выявления большинства их особенностей останутся бледными схемами, так как их наиболее яркие проявления связаны как раз с пограничными свойствами, с их не столько типическими чертами, сколько промежуточными, обусловленными соприкосновением с иными типами культуры. Более того, эту особенность культуры – а именно ее способность существовать преимущественно «на границах» (пространственных и временных, свободы и самодетерминации личности, мира привычного и «мира

впервые») – как раз и имел в виду М.М. Бахтин [Бахтин, 1963], а затем – В.С. Библер [Библер, 1991]. И в этом многообразии проявлений культуры все же необходимо уловить и отразить наиболее характерное, типичное, что составляет суть того или иного явления.

Функциональная природа как основание для определения массовой и элитарной культур

Итак, для того чтобы определиться с границами элитарного и массового и их наиболее характерными чертами, необходимо – несмотря на многообразие их признаков и проявлений – все же попытаться выделить типологические признаки этих феноменов. Это необходимо хотя бы потому, что определения, данные по принципу перечисления этих особенностей, неизбежно будут неполными, так как описание всех признаков – задача невыполнимая. Примерно таким является следующее определение массовой культуры – это «культура быта, развлечений и информации, ориентированная на максимально широкую аудиторию. Она направлена на формирование интереса у подавляющего большинства людей, независимо от социального статуса, профессии или достатка. Это культура обыденной и привычной каждому жизни, которая транслируется по телевидению, через интернет и художественные произведения. Ее содержание базируется на желаниях и потребностях, являющихся обязательными и привычными элементами повседневной жизни» [Массовая культура: понятие, примеры ...]. В качестве аналога данному выступает определение элитарной культуры, которая рассматривается как «система духовных и материальных ценностей, противостоящая массовой культуре, понятная узкому кругу ценителей, которая, как правило представляет собой сложные произведения с глубоким смыслом, непонятным простому обывателю» [Элитарная культура ...].

Эти определения описывают, на первый взгляд, наиболее типичные особенности массовой и элитарной культур. Но они оставляют большие «зазоры» в понимании этого явления и порождают массу вопросов – например, являются ли массовой или элитарной культурой всем известные произведения наподобие «Время, вперед!» Г.В. Свиридова, Пятой симфонии Бетховена с ее «темой судьбы», «Танец маленьких лебедей» П.И. Чайковского? К массовой или эли-

тарной культуре примыкают фильмы Ф. Феллини, П.П. Пазолини, А. Тарковского? И так далее...

Отказываясь от дескриптивности, к слову, противоречащей самой методологии теории культуры, обратимся к такому основанию, которое будет понятным; окажется способным отразить историческую природу явлений; выступит в качестве способного отразить иные, рядоположенные выделенным типы культуры; позволит акцентировать наиболее характерные особенности массового и элитарного. В качестве подобного основания может выступить функциональная природа явлений, выполняющих определенные задачи, направленные на развитие культуры как системы. Иными словами, такая методология предполагает выяснение ответов на следующие вопросы о том или ином типе культуры: «Что он выполняет в обществе?» и «Зачем он появился?». Функциональный подход позволяет не только определить типологические формы, но и ограничивает возможность перехода к оценочным суждениям, в научном дискурсе непродуктивным.

Кроме того, подобный подход позволяет отказаться от определения типов культуры через описание их внешних свойств – как это было представлено выше в определениях массовой и элитарной культур. Если обратиться к подобной методологии, неизбежно возникнет череда вопросов (например, является ли атрибутивным признаком данных феноменов широта их распространения и формат представления) и уже неоднократно данных на них ответов («Неизвестная» И. Крамского, привычная глазу на коробках шоколадных конфет, или «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо» Л. да Винчи в многообразных интерпретациях и даже пародиях свидетельствуют о безошибочной узнаваемости и массовой распространенности этих произведений, которые при этом сохраняют ранг высокого профессионального искусства). Здесь можно вспомнить и противоположные примеры – романы Тадеуша Конвицкого «Чтиво» (2003) и Чарльза Буковски «Макулатура» (1993), сами авторы которых в названиях произведений подчеркивают сниженный, явно незлитарный их характер. И тем не менее эти произведения трудно отнести к массовой культуре. Аналогичным образцом является фильм режиссера Квентина Тарантино «Криминальное чтиво» (1994).

Может ли стать безусловным маркером для этих типов культуры социальная принадлежность ее потребителей, где элита потребляет

элитарное искусство, а масса – массовое? Нет – среди известных ученых немало тех, кто предпочитает произведения массовой культуры произведениям элитарным, возведенным исследовательской традицией и общественным мнением в разряд наиболее сложных и доступных сознанию только посвященных в эту традицию.

Можно ли рассматривать в качестве подобного маркера способ трансляции произведения, его представленность через средства массовой коммуникации и сетевых технологий или средства, не связанные с массовым тиражированием – например, в концертном зале, музее, библиотеке? Тоже нет, сегодня интернет выступает наряду с обращенностью к широким массам также в качестве хранилища сложной и специализированной информации. И наоборот – использование в рамках ремодернизма румынской художницей Каталиной Никулеску «ностальгической» 16-миллиметровой пленки, отсылающей к началу истории кинематографа [Lewis, 2009], трудно соотнести с массовым искусством.

Конечно, нужно специально акцентировать внимание на том, что современное искусство в виде метамодернизма, стакизма, виртуального искусства, дефастенизма, гибридного искусства, постинтернет-искусства, брендализма, GPS-рисования иногда вызывает затруднения с атрибутированием, так как содержит в себе не только и не столько эстетический компонент, сколько социальный. Однако именно это свидетельствует о верности тезиса о существовании культуры преимущественно в пограничных областях и наличии в нем в значительной степени тех признаков, что находятся на периферии явлений, а не в их центральной, осевой зоне.

Изложенное выше уже становилось не раз предметом осмысления сначала теоретиков советской философии – таких как Г.К. Ашин, А.В. Куаркин и многих других, затем – новой плеяды исследователей массовой культуры, первым из которых можно по праву считать К.Э. Разлогова. Тем не менее проблема определения массовой и – соответственно – элитарной культуры не снята. Конечно, наука и развивается в постоянной рефлексии по поводу, казалось бы, уже закрытых вопросов, проблематизируя их вновь и вновь и превращая в предмет осмысления. Это закономерно – исследователи ставят перед собой разные задачи и обращаются к наиболее адекватной для этого методологии.

Однако отсутствие продвижения в каком-либо научном направлении заставляет исследователей обращаться к вопросам, давно стоящим на повестке дня, но так и остающимся дискуссионными. Их несколько. Но один из них является принципиальным и системообразующим – это вопрос о времени появления массовой и элитарной культур.

Время формирования типов культуры как основной их маркер

Конечно, отсутствие единой точки зрения в значительной степени может определяться отсутствием конвенций по поводу этого вопроса, а шире и точнее – по поводу той методологической парадигмы, с помощью которой этот феномен исследуется. Фактически по этому вопросу явно определяются две позиции. Согласно первой, массовая культура – это продукт массового индустриального общества, где само производство культуры выступает в качестве специфической индустрии, направленной на извлечение прибыли. Эта позиция была обоснована теоретиками Франкфуртской школы социальных исследователей, а затем получила развитие в работах представителей советской социально-философской школы. Согласно второй, массовая культура – это «извечный побочный продукт человечества» [Массовая культура, 2004], возникший не в XX в., а существующий в каждой культуре «изначально» [Кондаков, 2018]; проявлявший себя во все периоды истории и воплощавшийся в самые разные формы; генетически связанный с ее выделением «из традиционной (народной) культуры» [там же, с. 7]; всегда существующий «в общем контексте культуры как ее часть, как ее составляющая, а значит, сохраняющий определенные отношения с элитой и элитарной культурой» [там же, с. 9]; не являющийся «продуктом какой-то одной общественно-исторической формации» [там же, с. 5].

Решение вопроса о времени появления массовой культуры напрямую связано с теми задачами, которые решает исследователь – если в центре его внимания находятся те феномены, которые имеют весьма сходные с массовой культурой черты – их хорошо описывает В.Д. Конен, приводя в пример музыкальный стиль трубадуров, искусство мадригала, произведения уличных и роговых оркестров и многое другое, что не укладывается в привычные рамки «первого пласта» – фольклора и «второго пласта» – профессиональной культуры [Конен,

1994], тогда – ввиду отсутствия наиболее точного термина эти феномены исследователи могут определять как массовую культуру. Хотя В.Д. Конен находит подобным феноменам иное название – «третий пласт», подчеркивая, что эти явления невозможно определить как образцы массовой культуры.

Нечто подобное и сложно верифицируемое представляют собой, по мысли К. Келлерера, эллинистические танагрские статуэтки, которые изготавливались путем отливки, имели яркую раскраску и представляли собой массово тиражированную большую скульптуру предыдущего классического периода [Kellerer, 1957]. Такие формы, как римские бои гладиаторов, древнегреческий театр, средневековое искусство жонглеров, мимов, гистрионов, американский социолог Д. Уайт рассматривает в качестве первых образцов массовой культуры и вообще высказывает сомнение в существовании золотого века высокой культуры, для понимания содержания которой требуется длительное посвящение [Mass Culture Revisited, 1971].

Аналогичные примеры приводит в своей монографии, посвященной русскому масскульту в границах от барокко до постмодерна, И.В. Кондаков. Это и поэма Лукреция Кара «О природе вещей», где в популярном изложении представлены сложные научные достижения, и явление «философского дилетантизма», превращенное русскими писателями-эссеистами в литературное развлечение, и комическое квазинаучное описание мухи у эллинистического автора Лукиана из Самосаты [Кондаков, 2018, с. 36–42]. Автор рассматривает эти явления как массовидные формы, имеющие развлекательную природу и широкую степень распространения, а также такие особенности, как «...общеинтересность содержания, доступность (клишированность, формульность) изложения, динамизм тематического развития, универсальность и простота жанров, увлекательность восприятия массовым реципиентом, установка на развлечение и психологическую разрядку потребителей как самоцель. И как результат – максимально широкая распространенность текстов масскульту среди носителей данной (этнической, национальной или региональной) культуры на всех ее уровнях» [Кондаков, 2018, с. 6].

Итак, в тех случаях, когда перед исследователем стоит задача описания массовидных форм культуры, особенно созданных в период, предшествующий индустриальному, возникает затруднение, связан-

ное с их отнесением к тому или иному типу культуры. И если произведение явно не связано с фольклорной или высокой специализированной традицией, ему отводится место в ряду феноменов массовой или популярной культуры.

Попробуем применить к определению времени появления массовой и элитарной культур функциональный метод и ответить на вопрос о природе выполняемых ими функций.

В широкой ректроспективе мы увидим, что первоначально – в эпоху синкретизма, в рамках родового строя – существовал, соответственно, и один тип культуры, который выполнял все необходимые для сообщества функции. Эта культура была синкретической по многообразию форм; устной, бесписьменной по способу передачи; коллективной по способу хранения и трансляции информации. Главной ее функцией было накопление опыта, его сохранение, передача в неискаженном виде и воспроизводство. Установка на сохранение и передачу информации, имеющей жизненно важное для сообщества значение, а потому сакрализуемой (это способы охоты и обороны от воинственных соседей, и ритуалы, и медицинские знания, и календарь, и карты звездного неба и многое иное), определялась устной природой этой культуры. Отсутствие фиксации и опора на коллективную память, вписанность этой культуры в циклическое время, агрессивная внешняя среда, заставляющая бережно хранить все, направленное на выживание, приводит к установке на традиционализм, воспроизводство, сакрализацию всего бывшего ранее в практике и установленного в качестве образца. Все это позволяет рассматривать в функциональном плане эту синкретичную культуру как традиционную. Это понятие снимает массу синонимичных (в первом приближении) понятий – «народная культура», «фольклор», «популярная культура».

Традиционный тип культуры, став исторически первым, сохраняет свою актуальность и сегодня – там, где традиции поколений сакрализуются, где прецеденты рассматриваются как бесценные, там, где сохраняются родовые связи, а опыт предков выступает в качестве определенного эталона и образца духовного мировосприятия. Это бесценное начало в культуре, к сожалению, утрачивается в наиболее развитых в цивилизационном и технологическом плане странах и обществах. Там же, где удастся сохранить традиционность – хотя бы в

ее отдельных установках и декларациях, как, к примеру, в Китае, – удастся достичь высоких результатов и цивилизационного развития¹.

Второй тип культуры – специализированный – формируется тогда, когда появляется насущная потребность в знаниях, имеющих специализированный характер. Как правило, временем формирования такой культуры является период появления ранних городских цивилизаций для объединения территорий, требующих единой сложной религии, включающей большой пантеон богов и предполагающей наличие сложной обрядовости; для охраны этих территорий – системы сложных оборонительных сооружений и значительной армии с единым командованием; для построения системы ирригационных сооружений и культовых зданий – системы научных знаний, требующих письменной фиксации. Возникает специализированная культура, конечно, существующая наравне с традиционной, но обладающая значительной спецификой – прежде всего, способностью воспринимать новую информацию в качестве важной и равнозначной той, что содержит в себе традиционная культура. Однако сам факт «параллельного существования двух традиций – большой (письменной) и малой (фольклорной) – является свидетельством трансформации самого общества, где бесклассовая, социально гомогенная структура сменяется более прогрессивной, основанной на социальной стратификации и профессиональной дифференциации» [Костина, 2010, с. 94]. Конечно, эта способность была явно ограничена тем, что знание было связано с религией, но тем не менее его письменная фиксация свидетельствовала о формировании культуры нового типа – инновативной по характеру вырабатываемой информации и специализированной по способу ее производства.

Возникновение высокой специализированной культуры принципиальным образом изменило функциональную конфигурацию культуры. Если традиционная культура функционирует в неразрывном единстве информационно-технологического и социально-стабилизирующего комплексов, включающих адаптивную, транслирующую, символично-

¹ Хотя сама установка на традиционализм снижает способность культуры к адаптации и диалогическим отношениям с иными культурами, так как восприятие своего как образцового ставит иное в положение чужого, непонятного и неверного, того, что невозможно принимать и, тем более, заимствовать.

семиотическую, регулятивную и целый ряд иных функций, что придает ей устойчивость и воспроизводимость, то специализированная культура опирается на сочетание стереотипно-продуктивной способности к воспроизведению и творчески-инновативной деятельности, где первая служит стабилизации системы, вторая – расшатыванию системы в ее устремленности к новизне.

Сосуществование этих двух типов культуры было достаточно гармоничным в сословном обществе с жесткой социальной дифференциацией, когда одни социальные группы выступали носителями смыслов традиционной культуры, вторые – специализированной, одни передавали смыслы культуры в устной традиции и обретали ее ценности в процессе повседневной жизнедеятельности, вторые – в письменной, требующей длительного периода обучения, одни были настроены в большей степени на воспроизводство, вторые – на инновативность, одни жили в «медленном» природном циклическом времени, другие – в линейном историческом, гораздо более быстром по своей динамике и информационной насыщенности.

В данном случае не так важно, что этот период сосуществования двух типов культуры был длительным и включил в себя целый ряд исторических периодов, принципиальным образом отличающихся друг от друга как по характеру производства, так и по общественным отношениям. И рабовладельческая, и феодальная общественно-экономические формации характеризовались соотношением традиционной и специализированной культур.

Массовая культура как феномен, поддерживающий социальное равновесие в индустриальном обществе

Сосуществование двух типов культуры было достаточно гармоничным. Однако это соотношение было нарушено вследствие формирования нового типа общества – массового индустриального, требовавшего изменения социальной структуры, проведения ряда социальных реформ, урбанизации, и как следствие – отхода от традиции. Для индустриального производства и самой городской культуры образованность и грамотность были характерны в гораздо большей степени, чем для крестьянской бесписьменной. Развитая сеть массовой коммуникации в виде вывесок, газет, объявлений, более сложный ха-

рактик труда, реформа образования и его большая доступность – все это привело к формированию нового в социальном плане субъекта исторического действия – массы. Человек массы, если снять все негативные коннотации, которыми его наделяет Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 2001], является неизбежным продуктом массового общества, и главной особенностью, которая важна для понимания нового типа культуры, выступает принципиальная невключенность массового общества как в традиционную культуру, так и в высокую специализированную.

Массовое индустриальное общество создает первый исторический прецедент, когда соотношение традиционной и специализированной культур оказывается нарушенным. Веками существующая сословная граница между ними оказалась снятой, культурное пространство получило возможность стать единым. Однако сама сущность традиционной и высокой специализированной культур была столь существенна, что она не позволяла этим типам культуры совместиться и образовывать однородную, усредненную по смыслам культуру – одна продолжала функционировать как средоточие традиционности, вторая – инновативности. Между тем потребности индустриального общества были связаны не с сегрегацией культурных анклавов, а с их взаимодействием, с созданием такой культурной ситуации, которая позволяла действовать установкам на демократизацию и правовое равенство в сочетании с классовой дифференциацией. Потребовался «проводник» между обыденными представлениями носителей ценностей первой и сложными смыслами второй, культура, способная снять социальное напряжение между социальными группами с существенно различающимся экономическим статусом и создать относительную социальную однородность.

И такую систему взаимоотношений выстроила массовая культура. Она сформировала те каналы коммуникации, по которым функционировала социально значимая информация и которые стали определять формат предоставления информации, позволявший осуществление трансляции; ориентация на массу как основного потребителя привела к выстраиванию системы ее структурных, психологических и эстетических характеристик; стремление вовлечь в систему коммуникации носителей традиционной и специализированной культур неизбежно породило череду интерпретаций феноменов как первой, так и второй –

но опять же пропущенных сквозь каналы, стандартизирующие формы их представления. Массовая культура стала фактически тем механизмом, который преобразовывал любую информацию и делал ее доступной для восприятия представителя массы.

Эта функция, выполняемая массовой культурой, была столь существенна, что можно говорить о том, что именно эта культура создала массовое общество. И в конце XIX – начале XX в. уже точно фиксируется наличие в России и Европе прочно сформированной специфической культуры, которую составляет литература с упрощенными и формализованными сюжетами, опирающаяся на повседневный опыт большинства людей и лишенная высоких эстетических, этических и философских смыслов; кинематограф – с тем же содержанием и изначально рассчитанный на тиражирование, а значит, массового зрителя; специфическая мода, где образцы костюма буржуазии в основном воспроизводятся и в костюмном комплексе трудовых слоев общества – хотя и с упрощенным кроем и в более дешевых тканях. Конечно, одним из основных факторов, способствующих формированию специфической социальной гомогенности, именуемой массовым обществом, выступали средства массовой коммуникации, работа которых изначально была направлена не столько на выполнение информационной роли, сколько на трансляцию и закрепление общепонятных целей и ценностей, общепризнанных стандартов и поведенческих практик.

Эта функция была успешно выполнена массовой культурой на этапе формирования индустриального общества, но она остается столь же необходимой и сегодня – в границах постиндустриального или информационного общества, в условиях формирования общества цифровой трансформации.

И это второй вопрос, который остается в социальной философии открытым по сей день. Этот вопрос выступает в качестве определенного парадокса – вопреки теории, согласно которой массовая культура есть продукт индустриального общества. В обществе же постиндустриальном, тем более на его информационной стадии развития, где основным социальным триггером является разукрупнение производства, приводящего к процедурам де-массификации, массовая культура автоматически должна дезактуализироваться, отмереть, быть замененной культурой иного типа. Однако массовая культура продолжает выполнять и в современных общественных системах, основанных на

цифровых технологиях, целую совокупность функций. Поэтому она продолжает и сегодня оставаться актуальной.

И эта актуальность состоит в том, что *массовая культура – это специфический способ освоения действительности и адаптации к ней, впервые функционально проявляющийся в условиях индустриально развитого «массового общества» в осуществлении связи между обыденным и специализированным знанием.* «Массовая культура, по существу, стала той знаковой системой, которая была равно доступна всем членам общества вне зависимости от социального статуса и степени включенности в профессиональную систему знания и смогла осуществлять ту циркуляцию смыслов и значений, которая составляет основу общественного единства и стабильности» [Костина, 2011, с. 116].

Теперь обратимся к вопросу о соотношении массовой культуры и элитарной.

Исследователи, определяющие элитарную культуру, исходят из нескольких оснований.

Первое – эстетическое, где элитарная культура рассматривается как авангардное искусство, создающее новую художественную реальность, никак не соотносящуюся с миром, в котором живет человек, и которое способно воспринимать лишь специально подготовленное к этому сознание. Эту позицию с достаточной полнотой обосновал Х. Ортега-и-Гассет в своем эссе «Дегуманизация искусства», а сама элитарная культура стала восприниматься как искусство модернизма, и ее основным содержанием становятся формалистические искания, а фиксированный смысл воспринимается в качестве необязательного атрибута.

Второе – содержательная специфика этой культуры, отличающейся принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом, ценностно-смысловой самодостаточностью, опорой на ограниченный круг ценностей, признаваемых истинными и «высокими». Так рассматривает элитарную культуру И.В. Кондаков [Кондаков, 1998, с. 385–389].

Третье – социальная принадлежность носителей ценностей элитарной культуры к «господствующим общественным группам, вырабатывающим и осуществляющим государственную, культурную и социально-экономическую политику», иными словами, к политическим

(«правлящим», «властным») или культурным элитам. Суть теории политических элит, разработанной В. Парето, Р. Михельсом, Г. Моска, а затем – Т. Парсонсом, Р. Мертоном, У. Уайтом, выражает тезис: «В любое время и в любом месте все то, что в управлении является предписывающей частью, осуществлением власти и содержит в себе команду и ответственность, есть всегда компетенция особого класса... который... формируется всегда как ничтожное меньшинство против подчиняемой им массы управляемых» [Mosca, 1968, p. 11].

Четвертым основанием для определения элитарной культуры является его антиномичность массовой, появление которой вызвало с неизбежностью и формирование ее антипода. Причем, по мнению исследователей, дилемма этих культур есть исторический феномен, где на смену сословиям приходят такие социальные группы, как элита и масса, а общество окончательно раскалывается на две части: «...тех, в ком преобладает знание» (они характеризуются продуктивностью и высокой степенью деятельности) и тех, «в ком преобладают чувства» [Ашин, 1983, с. 149–158].

Пятое основание – анти- или псевдодемократичность, где элитарная культура выступает как образование, недоступное массам, и в этом своем качестве она смыкается с массовой культурой. При этом противоположность массовой и элитарной культур становится «ложной дилеммой» [Ашин, 1983]. И ложность ее заключается в том, что «псевдодемократическая “массовая культура” демагогически выдается за народную и противопоставляется высокой культуре, которая, в свою очередь, отождествляется с элитарной. Истина в том, что “мас-культ”... и элитарная культура, рассчитанная на снобов из высших классов, обе представляют собой две стороны буржуазной культуры» [Ашин, 1983, с. 158].

Шестое основание – *ведущая функция, реализуемая элитарной культурой, в качестве которой выступает формирование типа сознания, возникающего посредством воздействия данной культуры и обладающего готовностью к высокой творческой активности; сама же элитарная культура выступает как культура высокая, концентрирующая духовный, интеллектуальный и художественный опыт поколений.* Так элитарная культура – как культура высокая специализированная – рассматривается в данной работе.

Заключение

В заключение отметим следующее. Элитарная и массовая культуры, определяемые с позиции выполняемых ими функций, выступают как две системы, функционально абсолютно автономные. Первая функционирует, порождая новые смыслы и значения в культуре, вторая – адаптируя их к массовому сознанию; первая – укрепляя социальные иерархии, вторая – их снимая; первая – порождая и поддерживая коммуникацию внутри себя, вторая – налаживая коммуникацию между всеми типами культуры.

И все же, несмотря на это, взаимодействие между двумя этими культурами не только возможно, но изначально осуществляется, когда массовая культура транслирует самые социально важные идеи специализированной культуры и налаживает их обращаемость в обществе. Примеры обратные гораздо малочисленнее – в основном это интеллектуальные игры пост- и постпостсовременной культуры наподобие «Чтива» и «Макулатуры». Однако при этом обмене не происходит никакого слияния или совмещения смыслов этих типов культуры – плачи-причитания, собранные Е.В. Барсовым [Причитанья Северного края ..., 1997] или Н.И. Костомаровым [Костомаров, 1852, с. 263–264], остаются феноменами традиционной культуры, их же художественное переосмысление в «Борисе Годунове» М.П. Мусоргского и в «Алекサンドре Невском» С. Прокофьева, или интонационное воплощение в реквиеме Э. Артемьева «Девять шагов к Преображению» и в камерном сочинении С. Губайдуллиной «Семь слов» принадлежит к высокой специализированной культуре. И знаменитое высказывание М. Глинки о том, что музыку создает народ, а композиторы только ее аранжируют, не должно создавать иллюзий относительно взаимопроникновения этих типов культуры.

Представляется, что любой феномен культуры, где присутствуют подобные пересечения, можно атрибутировать, отнеся его к произведениям или массовой культуры, или элитарной, исходя из тех функций, которые он выполняет в обществе.

Конечно, при этом нужно иметь в виду то, что в рамках любого типа культуры есть феномены, наиболее ярко выражающие его сущность и содержание, и те, которые являются только «опытными образцами» – их можно найти много в каждой эпохе. Именно это и поз-

воляет некоторым исследователям говорить о наличии уровней [Уровни массовой культуры ...] внутри каждой культуры, однако возможность осуществления подобных градаций свидетельствует лишь о том, что в рамках любой культуры есть мастера и подмастерья, есть творцы и те, кто решает задачи не культуротворческие, а социальные – все это присуще и традиционной, и массовой, и элитарной культурам, где, к примеру, в науке выдвижение принципиально новых идей всегда было прерогативой немногих, наиболее крупных ученых. Или упрощение содержания было изначальной целевой установкой автора – для популяризации содержания тех или иных идей. Но это отдельная тема исследования.

Список литературы

Ашин Г.К. Ложная дилемма буржуазной культурологии (Элитарная и «массовая» культуры) // Вопросы философии. – 1983. – № 7. – С. 149–158.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Сов. писатель, 1963. – 363 с.

Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры : два филос. введ. в двадцать первый век. – Москва : Политиздат, 1991. – 412 с.

Борхес Х.Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. – Рига : Полярис, 1994. – Т. 2 : Эссе. Новеллы / пер. с испанского Е.М. Лысенко. – С. 83–86.

Борхес Х.Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // ЛитМир. Электронная библиотека. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=4085&p=1>

Затейщиков Н.В. Народные песни и причитания, собранные в Холмском уезде Псковской губернии // Псковские губернские ведомости. – 1893. – № 32. – С. 288–289.

Кондаков И.В. Русский масскульт : от барокко к постмодерну : монография. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 544 с. – (Humanitas).

Кондаков И.В. Элитарная культура // Культурология. XX век [Текст] : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред., сост. С.Я. Левит. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. – Т. 2 – С. 385–389.

Конен В.Д. Третий пласт : Новые массовые жанры в музыке XX в. / [Рос. ин-т искусствознания]. – Москва : Музыка, 1994. – 157 с.

Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2011. – 352 с.

Костина А.В. Народная, элитарная и массовая культура в современном социокультурном пространстве: структурно-типологический подход // Обсерватория культуры : журнал-обозрение. – 2006. – № 5. – С. 96–109.

Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 144 с.

Костомаров Н.И. Народный плач над могилой матери, записанный в слободе Рудне Камышинского уезда // Саратовские Губернские ведомости. – 1852. – № 48. – С. 263–264.

Массовая культура : учебное пособие / К.З. Акопян, А.В. Захаров, С.Я. Кагарлицкая [и др.]. – Москва : Альфа-М ; ИНФА-М, 2004. – 304 с.

Массовая культура: понятие, примеры из жизни, признаки, виды. – URL: <https://dnevnik-znaniy.ru/obshestvo/massovaya-kultura.html>

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : [перевод с испанского]. – Москва : АСТ, 2001. – 509 с.

Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым : в 2 т. / изд. подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов ; отв. ред. А.М. Астахова. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – 654 с. – (Литературные памятники).

Уровни массовой культуры. – URL: <https://studbooks.net/519692/kulturologiya/urovni-massovoy-kultury>

Элитарная культура. – URL: <https://dnevnik-znaniy.ru/obshestvo/elitarnaya-kultura.html>

Kellerer Chr. Weltmacht Kitsch. – Stuttgart : Europa Verlag, 1957. – 99 S.

Lewis Ben. Exhibition: Atalina Nicolescu/Maurizio Anzeri // Evening Standard. – 2009. – 28 April. – P. 36.

Mass Culture Revisited / Ed. by Rosenberg B., White D. – Boston ; New York, 1971. – 473 p.

Mosca G. Teorica deigovorni egoverno parlamentaire. – Milano : Giuffre, 1968. – 307 p.

References*

Ashin, G.K. Lozhnaya dilemma burzhuaznoj kul'turologii (Elitarnaya i «massovaya» kul'tury) [The false dilemma of bourgeois cultural Studies (Elite and “mass” cultures)]. In *Voprosy filosofii*. no. 7, 1983, pp. 149–158. (In Russ.)

Bahtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo [Tekst]. 2-e izd., pererab. i dop.* [Problems of Dostoevsky's Poetics [Text]. 2 nd ed., reprint. and additional]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1963. 363 p. (In Russ.)

Bibler, V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury : Dva filos. vved. v dvadcat' pervyj vek* [From science to the logic of culture : Two philos. introduction. in the twenty-first century]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 412 p. (In Russ.)

Borhes, H.L. *Analiticheskij yazyk Dzhona Uilkinsa* [Analytical language of John Wilkins]. In *Sochineniya v trekh tomah. T. 2. Esse. Novelly / per. s ispanskogo E.M. Lysenko.* [Essays in three volumes. Vol. 2. Essay. Novellas (translated from Spanish by E.M. Lysenko)]. Riga, Polyaris Publ., 1994, pp. 83–86. (In Russ.)

* Здесь и далее списки References оформлены в стиле МЛА (от *англ.* Modern Language Association [MLA] Style).

Borhes, H.L. Analiticheskij yazyk Dzhona Uilkinsa [Analytical language of John Wilkins]. In *LitMir. Elektronnaya biblioteka*. P. 1. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=4085&p=1> (In Russ.)

Zatejshchikov, N.V. Narodnye pesni i prichitaniya, sobrannye v Holmskom uезде Pskovskoj gubernii [Folk songs and lamentations collected in the Kholm'sky district of Pskov province]. In *Pskovskie gubernskie vedomosti*, no. 32, 1893. pp. 288–289. (In Russ.)

Kondakov, I.V. *Russkij masskul't: ot barokko k postmodernu: monografiya* [Russian Mass culture: from Baroque to Postmodern: monograph]. Moscow, Saint Petersburg, Centr humanitarnykh iniciativ Publ., 2018. 544 p. (Seriya «Humanitas»). (In Russ.)

Kondakov, I.V. Elitarnaya kul'tura [Elite culture]. In *Kul'turologiya. XX vek [Tekst]: enciklopediya: v 2 t. / gl. red., sost. S. Ya. Levit* [Cultural studies. 20th century [Text]: encyclopedia: in 2 vols. / ch. ed., comp. S. Ya. Levit. Vol. 2]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1998, pp. 385–389. (In Russ.)

Konen, V.D. *Tretij plast : Novye massovye zhanry v muzyke XX v. / V. Konen; [Ros. in-t iskusstvovznaniya]* [The third layer: New mass genres in music of the 20th century / V. Konen; [Russian Institute of Art Studies]]. Moscow, Muzyka Publ., 1994. 157 p. (In Russ.)

Kostina, A.V. *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva. Izd. 5-e* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society. 5th Ed.]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2011. 352 p. (In Russ.)

Kostina, A.V. Narodnaya, elitarnaya i massovaya kul'tura v sovremennom sociokul'turnom prostranstve: strukturno-tipologicheskij podhod [Folk, Elite and mass culture in the modern socio-cultural space: a structural and typological approach]. In *Observatoriya kul'tury. Zhurnal-obozrenie*, no. 5, 2006, pp. 96–109. (In Russ.)

Kostina, A.V. *Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sociokul'turnoj dinamiki* [The correlation of tradition and creativity as the basis of socio-cultural dynamics]. Moscow : Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2010. 144 p. (In Russ.)

Kostomarov, N.I. Narodnyj plach nad mogiloj materi, zapisannyj v slobode Rudne Kamyshinskogo uезда [Folk lament over the grave of his mother, recorded in the settlement of Rudnya Kamyshinsky district]. In *Saratovskie Gubernskie vedomosti*, no. 48, 1852. pp. 263–264. (In Russ.)

Massovaya kul'tura: uchebnoe posobie [Mass culture: a textbook], (Eds.) K.Z. Akopyan, A.V. Zaharov, S. Ya. Kagarlickaya & others. Moscow, Al'fa-M, INFA-M Pubs., 2004. 304 p. (In Russ.)

Massovaya kul'tura: ponyatie, primery iz zhizni, priznaki, vidy [Mass culture: concept, examples from life, signs, types]. URL: <https://dnevnik-znaniy.ru/obshestvo/massovaya-kultura.html> (In Russ.)

Ortega-i-Gasset, H. *Vosstanie mass: [perevod s ispanskogo]* [The Uprising of the Masses: [translated from Spanish]]. Moscow, AST Publ., 2001. 509 p. (In Russ.)

Prichitan'ya Severnogo kraya, sobrannye E.V. Barsovyim: v 2 t. / izd. podgotovili B.E. Chistova, K.V. Chistov; otv. red. A.M. Astahova. [Lamentations of the Northern Region, collected by E.V. Barsov: in 2 volumes], the publication was prepared by B.E. Chistova, K.V. Chistov; responsible ed. A.M. Astakhov. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997. 654 p. (Literaturnye pamyatniki). (In Russ.)

(Anonymous). *Urovni massovoj kul'tury* [Levels of popular culture]. URL: <https://studbooks.net/519692/kulturologiya/urovni-massovoy-kul'tury> (In Russ.)

(Anonymous). *Elitarnaya kul'tura* [Elite culture]. URL: <https://dnevnik-znaniy.ru/obshestvo/elitarnaya-kultura.html> (In Russ.)

Kellerer, Chr. *Weltmacht Kitsch*. Stuttgart, Europa Verlag Publ., 1957. 99 S. (In Germ.)

Lewis, Ben. Exhibition: Atalina Nicolescu/Maurizio Anzeri. In *Evening Standard*, 28 April 2009. P. 36.

Mass Culture Revisited. Ed. by Rosenberg B., White D. Boston – New York, 1971. 473 p.

Mosca, G. *Teorica deigoverni egoverno parlamentaire*. Milano, Giuffre Publ., 1968. 307 p. (In Ital.)